

ственномъ творествѣ своемъ Церковь признаетъ не безсознательной, но огромной силой.

Нехлюдовъ въ „Исповѣди“ въ порывѣ благочестивой лжи хотеть оклеветать Ерощкино творчество. Онъ говоритъ про лучшіе годы писательства Толстого: „Въ это время я *сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости*. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть *славу и деньги, для которыхъ я писалъ*, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ“. Уличимъ же князя во лжи. Посмотримъ, что пишетъ самъ Толстой о своемъ творествѣ въ письмахъ какъ-разъ въ то время, когда онъ началъ „писать“.

„Душенька дяденька Фетинька. Ей Богу, душенька, и я васъ ужасно люблю. Вотъ те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй, пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. *А можетъ-быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ*. Что-то иногда такъ кажется. *Что ни дѣлай, а между навозомъ и коростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь*“.

„Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ временъ 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню, 30-е годы,—уже исторія. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все устанавливается *въ торжественномъ покоѣ истины и красоты*. *Молюсь Богу*, чтобы Онъ дозволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. *Такъ важно, какъ важна для васъ вѣра. И еще важнѣе, мнѣ бы хотѣлось сказать. Но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть*“.

Не внѣшніе мотивы славы и корыстолюбія заставляли Толстого творить, какъ лжетъ Нехлюдовъ, а *внутренняя необходимость*, совершенно не зависящая отъ его сознательной воли. И писаніе для него было дѣломъ столь важнымъ, что онъ *молился* о немъ, какъ о чемъ-то самомъ значительномъ и нужномъ, что есть въ жизни. Нехлюдовъ клеветаетъ: „надо было (по мотивамъ внѣшнимъ) скрывать хорошее и показывать дурное. *Я такъ и дѣлалъ*“. А подлинный Толстой-Ерощка свидѣтельствуетъ, что онъ *не зналъ*